

Джозеф О'Коннор

ЗВЕЗДА МОРЕЙ

РОМАН

*Перевод с английского
Юлии Полещук*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2022

Анне-Марии — снова и всегда

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гости Коннемары, этой прекрасной каменистой глуши на западе Ирландии, порой останавливаются в Леттерфраке. Очаровательная деревушка с крытыми соломой домами и уютными пабами, красивая, как на открытке, безмятежная с виду. Неподалеку от Леттерфрака находится поместье, где провел медовый месяц Йейтс. (Теперь там гостиница, как во многих бывших особняках.) В окрестностях деревушки можно погулять по галечному пляжу. Водоросли, крики чаек, атлантический бриз — причудливое очарование побережья. Кажется, жизнь здесь течет, как текла, и ничего не менялось веками. Но это иллюзия: чужаку свойственно принимать желаемое за действительное. Современная жизнь не обошла Леттерфрак стороной. По телевизору в баре показывают «Отца Теда»*. В гостиницах — номера с удобствами, в каминах горит торф.

Нам, туристам, нравится безлюдье Коннемары. Но здесь так тихо и спокойно не без причины. Бродя по сонным улочкам, умиротворенно любуясь опускающимися на горы сумерками, никогда не подумаешь, что гуляешь там, где некогда разворачивалась трагедия — в эпицентре викторианской Европы.

* Популярный ирландско-британский комедийный сериал, впервые транслировался в 1995–1998 гг. (Здесь и далее, если не указано иное, примеч. переводчика.)

Эти луга, эти галечные пляжи стали свидетелями невероятных страданий. И разумеется, героизма, исключительной смелости и любви. Эти винноцветные болота и изрезанные колеями узкие проселки видели трагедию столь ужасную, что всякий, кому довелось ее наблюдать, как Грантли Диксону в моем романе, никогда этого не забудет.

Дело было в 1840-е: в те годы от голода умер миллион ирландских бедняков. Граждане богатейшего королевства в мире, обитавшие в сотнях миль от столицы империи, Лондона. Это их не спасло: их ничто не спасло. От отчаяния около двух миллионов ирландцев эмигрировали: ведь правители Ирландии и Великобритании фактически бросили их на произвол судьбы. Можно сказать, что эти несчастные отправились на поиски лучшей жизни. Они бежали с родины всеми мыслимыми и немыслимыми путями, зачастую на кораблях вроде «Звезды морей». Их язык, гэльский, одно из старейших европейских наречий, исчез буквально в одночасье. “*Mharbh an gorta achan rud*”, вспоминал один из носителей языка. «Голод убил всё».

Та эпоха, точь-в-точь как наша, была временем технического прогресса, развития науки и искусства. Появлялись великие романы, по всей Европе прокатились революции, расцвела демократия, изобретали новые двигатели. Но голодающим Леттерфрака от этого не было проку, как нет от этого проку голодающим современной Африки. Мир представлял собой пирамиду власти: богатые на вершине, бедные несут на себе все тяготы. Кто тяжелее всего трудится, меньше всего имеет. Те, кто не делает ничего, владеет всем. И в самом низу этой пирамиды оказался простой люд Коннемары, белые эфиопы диккенсовского мира.

Умирала десятки тысяч. Порой целыми общинами. Жертв могло бы оказаться намного больше, если бы не усилия двух благородных англичан, Джеймса и Мэри Эллис, состоятельной супружеской четы из промышленного города Брэдфорда. (Они были квакерами, или Друзьями, как и капитан Локвуд из моего романа.) С Коннемарой их не связывали ни родственные, ни коммерческие узы, однако в 1849 году они перебрались из Йоркшира в Леттерфрак, построили на свои средства дома и дороги, школу, продуктовую лавку и амбулаторию. Они по совести оплачивали труд местных жителей и относились к ним с уважением. По меркам своего времени Эллисы считались людьми пожилыми (в 1840-е большинство умирало на седьмом десятке), однако же отказались от привычных удобств и привилегий в знак солидарности с беднейшими из бедных. Они не были ни политиками, ни миссионерами. Ими двигало не что иное, как сострадание, твердая вера в то, что все люди братья, что бы ни говорили наши правители. Они верили, что трущобам в мире не место, что важно общество, а не только экономика, что каждая человеческая жизнь неизмеримо ценна. Порой голод в Ирландии сравнивают с Холокостом. Если так, то Джеймс и Мэри Эллис — наши Шиндлеры. Им следовало бы поставить памятник в Дублине на О'Коннелл-стрит — но, разумеется, его там нет. Ирландцам трудно привыкнуть к мысли, что среди героев, спасавших страну от голода, были и англичане.

Мне тоже нелегко давалась эта мысль, когда я сел писать «Звезду морей». Поначалу роман был куда камернее и сдержаннее. Лет семь назад мне начал являться образ преступника, который ночью вышагивает по палубе парусника девятнадцатого

века. Моему мысленному взору представал одинокий затравленный человек, который некогда был добр и хорош, желал бы исправиться, но прошлое его полно постыдных тайн. Я сроду не писал исторических произведений, да и читать их не любил: тем удивительнее было, что хромой призрак с таким упорством занимал мои мысли. Откуда бы ни явилось мне это видение, я решил выяснить, кто он. И узнать его историю.

Оказалось, что полуночника зовут Пайесом Малви: это главный герой «Звезды морей». И если героиня книги — Мэри Дуэйн (а я считаю ее героиней книги), то в центре романной паутины обитает именно Малви. В самом начале романа он появляется в точности таким, каким вошел, шаркая, из эфира в мою жизнь. Тогда я еще не знал, что он станет моим постоянным спутником. Мы с Малви провели вместе не один час, и из знакомства с ним постепенно проклюнулась книга. Какие женщины остались в прошлом этого смутьяна? Он разбивал сердца — или всаживал в них нож? В чем его преступление? Кто его враги? Когда я задумался о том, что же творилось в моей части мира во времена Пайеса Малви, мне стало ясно: действие романа должно разворачиваться в годы Великого голода.

У меня складывалось впечатление, что Малви раньше был певцом или слагателем песен. Сам не знаю почему — казалось, и всё тут. Да и прочие образы в романе продиктованы традицией ирландских баллад, этого сложного и проникновенно-прекрасного корпуса текстов, гениальных авторов которых мы никогда не узнаем. Персонажи ирландских (и английских) песен той поры — рабочие и землевладельцы, полисмены и воры, несчастные влюбленные, обманутые служанки. Образы Дэвида

Мерридита и Мэри Дуэйн родились из песен, как и отца Дэвида Мерридита, и лондонских беспризорников, и ливерпульского вербовщика, который сулит братьям Малви вознаграждение, если те запишутся в рекруты. Я отталкивался от этих архетипов, стараясь описать их так, будто они и впрямь когда-то жили: Малви, один из нескольких подающих надежды музыкантов в романе, берет мелодии прошлого и перекладывает на новые слова.

Романов о Великом голоде относительно немного. Джойс, Уайльд, Беккет, Йейтс — боги ирландской литературы почти не упоминают о нем. По словам критика Терри Иглтона, «одних голод вдохновил на гневные тирады, другим сомкнул уста». Конечно, рассказы современников читать мучительно. Даже сухая статистика режет глаз. В 1841 году, за четыре года до трагедии, в Ирландии, по данным переписи, проживало 8 175 124 человека. В 1851-м, через год после окончания голода, осталось 6 552 385 человек. Историк Р. Ф. Фостер отмечал, что к 1870-м годам в Америке было три миллиона ирландских иммигрантов — 39% от всего уцелевшего населения Ирландии. Разумеется, ученые спорят, можно ли полагаться на точность записей девятнадцатого века. Но большинство соглашается с тем, что нынешнее население Ирландии на три миллиона меньше, чем было накануне Великого голода.

Один из персонажей романа Родди Дойла «Ссылные» шутит: «Ирландцы — европейские черные». Во времена Мэри Дуэйн так и было. И в XIX веке подобное сравнение встречается удивительно часто. (В 1892 году даже Сидней и Беатриса Вебб, священные сторонники британских левых, о визите к соседям замечали: «Мы недолюбливаем их [ирландцев], как недолюбливали бы готтентотов».)